

Стоял лютый мороз, снежинки медленно кружились в воздухе, уже успев укутать весь континент зверей-людей белоснежным одеялом.

Громадные камни загораживали большую часть ледяного ветра, однако зимняя стужа проникала повсюду. Даже в пещере, защищенной валунами, сквозило холодом, отчего Чэн Ань, сладко спавший в гнезде из звериных шкур, вдруг вздрогнул.

Стоило холодному воздуху коснуться его, вырвав из тепла родного логова, как голод в животе дал о себе знать с новой силой.

Чэн Ань отодвинул крепко спящего брата, лежавшего на нем сверху, и инстинктивно, чувствуя молочный запах, приник к соску матери-волчицы, жадно присосавшись. Его маленькие волчьи лапки сами собой начали перебирать шерсть, совершая характерные движения, известные как «молочный шаг».

Юнь, выкармливающая потомство, приоткрыла свои полусонные глаза. Увидев, что это Чэн Ань, этот маленький белый волчонок, она спокойно позволила ему продолжать. Она не стала отталкивать малыша.

В их племени белых зверей-людей было мало. Хоть этот детеныш и казался слабым и щедушным, кто знает — возможно, именно ему суждено стать следующим жрецом их рода.

Сейчас было не самое подходящее время для кормления, но Чэн Ань родился последним в помете. Его тело изначально было слабее, чем у братьев, и во время кормления он всегда проигрывал борьбу за молоко. К тому же он мастерски умел выглядеть милым и беспомощным, выпрашивая ласку, поэтому Юнь невольно баловала его больше остальных.

Просто эта зима выдалась необычайно суровой, и Юнь с тревогой думала, сможет ли ее хрупкий малыш пережить эти холода.

Юнь пошевелила хвостом, накрывая им Чэн Аня, словно теплым одеялом.

Если он не доживет до весны, то уж точно не сможет стать жрецом.

Насытившись молоком, Чэн Ань потерся мордочкой о большую волчицу и снова зарылся в кучу своих братьев и сестер, чтобы уснуть.

Однако после столь долгого сна сонливость куда-то испарилась. Не имея возможности уснуть, Чэн Ань решил мысленно проанализировать все, что произошло с ним после перерождения в волка.

Хотя нет, если быть точным, он возродился в теле зверя-человека, чьей звериной формой был волк.

Чэн Ань хотел вздохнуть, но его тело было еще слишком маленьким, чтобы издавать полноценные звуки вдоха, поэтому вместо этого раздалось лишь тихое поскуливание.

Видимо, суп забвения оказался неэффективным. Чэн Ань смутно помнил, что должен был умереть от внезапной остановки сердца. Тот животный ужас, охвативший его перед смертью, все еще свеж в памяти. Он переродился, но память осталась при нем. Исходя из этого, пожалуй, правильнее будет назвать это не просто перерождением, а попаданчеством в иной мир.

Он стал детенышем зверя-человека. Да-да, именно детенышем. Когда Чэн Ань впервые открыл глаза в этом новом мире, он обнаружил, что едва контролирует свои конечности, а зрение было настолько размытым, что он различал лишь нечеткие тени.

Если подсчитать точно, то с момента попадания в этот мир прошло уже четыре или пять дней. Все это время он только спал и питался молоком, будучи неспособным ни на что другое. Большая волчица, согревающая их своим телом во сне, была его матерью. Ее звали Юнь. Она была редчайшим зверем-человеком, способным рожать детей, а не представителем подкатегории «суб-звери».

В мире зверей-людей не существовало деления на мужчин и женщин в привычном понимании. Общество делилось на зверей-людей и суб-зверей. Детеныши всех зверей-людей рождаются в звериной форме. Повзрослев, они разделяются на две категории. Отличить их друг от друга довольно просто: обычные звери-люди могут свободно превращаться из зверя в человека и обратно, обладая при этом огромной боевой мощью. Суб-звери же, однажды приняв человеческий облик, теряют способность полностью возвращаться в звериную форму.

Звери-люди отвечают за охоту и защиту территорий, в то время как суб-звери занимаются собирательством, готовкой пищи и рождением детей.

Чэн Аню такая система определения пола и роли казалась крайне ненадежной. Иначе, следуя этой логике, Юнь должна была быть обычным зверем-человеком, так как же она могла рожать? Более того, она родила сразу четверых детенышей.

Поначалу Чэн Ань думал, что просто переродился в обычного волка. Но позже, увидев, как волки в пещере превращаются в людей, он чуть не потерял сознание от шока. Всю эту информацию он выведал, анализируя разговоры Юнь и других членов стаи. Ведь никому бы и в голову не пришло, что среди новорожденных волчат скрывается душа из иного мира.

Эта грубая пещера не была их постоянным домом; это было лишь временное убежище.

Вдруг снаружи послышался осторожный шорох. Юнь мгновенно напряглась, ее острые глаза пристально уставились на вход в пещеру.

«Ау-у-у!» — раздался снаружи волчий вой. Юнь узнала голос Ле и успокоилась. Действительно,

спустя короткое время после воя камень, загораживавший вход от ветра, был отодвинут, и внутрь вернулась группа волков во главе с Лем, возвратившихся с охоты.

Ле нес на спине огромного дикого кабана, входя первым. За ним следовали остальные волки, также нагруженные добычей, правда, их трофеи были значительно меньше кабана Ле.

Ле бросил кабана на землю, стряхнул с себя снег, принял человеческий облик и набросил на бедра набедренную повязку из шкуры. Дождавшись, когда вся стая войдет внутрь, он вновь задвинул каменную глыбу на место.

«Юнь, мы вернулись», — произнес Ле, подбрасывая в костер еще дров. Огонь разгорелся ярче, и в пещере постепенно становилось теплее и светлее.

Заметив озабоченное выражение лица Ле, Юнь невольно встревожилась. «Ау?» — спросила она без слов. Что случилось? Разве они не добыли сегодня еду?

Ле взял кусок меха, бережно завернул в него спящих детенышей, которых держала Юнь, и аккуратно переложил их на сухую траву поближе к огню, освобождая мать.

Чэн Ань пару раз дернулся, но Ле снова устроил его поудобнее в складках своей набедренной повязки. В теплом свете огня малыш вскоре снова уснул, не обратив внимания на дальнейший разговор Ле и Юнь.

Юнь потянулась, подошла к Ле со спины, превратилась в человека и также облачилась в шкуру.

«Юнь, дело не в еде. Нам нужно уходить отсюда», — голос Ле звучал тяжело и мрачно. — «Мы отсутствуем слишком долго. Если не вернемся скоро, в нашем роду могут начаться проблемы. Кроме того, А Шань сказал, что восточная снежная гора вот-вот обрушится. Мы должны успеть вернуться до этого».

Брови Юнь нахмурились. Она взглянула на А Шаня. Тот кивнул, подтверждая серьезность слов — это была не шутка. Отец А Шаня был жрецом их племени, и сын многому научился у него.

Ле был наследником вождя, и Юнь прекрасно понимала, что они не могут слишком долго оставаться в отрыве от племени.

— Но детеныши... — начала было Юнь, но осеклась, не зная, как закончить фразу.

Юнь была настоящим, полноправным зверем-человеком. Ее боевые способности входили в десятку лучших в их роду, иначе ее бы не включили в экспедицию для обмена соли с людьми-рыбами.

Но никто не мог предположить, что Юнь способна забеременеть и родить, да еще и сразу четверых детенышей! Нужно понимать, что хотя их и называют зверями-людьми, они принципиально отличаются от обычных диких животных. Для них крайне редко рождение целого помета за раз; многие вообще с трудом могут зачать ребенка. А тут Юнь, будучи обычным зверем-человеком, родила четверых. Это считалось почти что даром самого Звериного Бога.

Именно из-за этого непредвиденного обстоятельства их группе пришлось задержаться в этих краях на некоторое время, пока ранний снегопад не заблокировал им путь назад.

Сезоны на континенте зверей-людей нарушились. Сейчас снега быть не должно было вовсе. Если они не вернуться немедленно, в племени может начаться хаос.

Юнь посмотрела на остальных соплеменников, отдыхающих после пути, затем перевела взгляд на выход из пещеры.

— Я поняла, — тихо произнесла она. — Пора возвращаться.

Ле обнял Юнь.

— Не волнуйся. Мы будем двигаться медленно, детеныши не замерзнут.

Ле приказал соплеменникам досыта наесться добычи, чтобы набраться сил перед обратным путем. Шкуру свежеванного кабана очистили от крови в снегу и на скорую руку сшили в подобие корзины.

Ле не позволил Юнь нести мешки с солью — она только что родила и нуждалась в отдыхе. Сам он взвалил соль на спину, взял в зубы корзину с детенышами и повел свою группу в обратный путь к дому.

...

«Юй, пошли обедать, вернемся в лагерь. День за днем идет такой сильный снегопад, зачем нам каждый день патрулировать территорию?» — Ши Тоу вздрогнул, стряхивая с себя снег, и уныло плелся вслед за Юем. Не пройдя и нескольких шагов, он наткнулся на товарища и вынужден был остановиться.

«Ффф...» — Ши Тоу ударился головой и, выглянув из-за спины Юя, спросил: «Почему ты вдруг остановился?»

Они стояли на вершине горы, откуда отлично просматривалась вся местность ниже.

Юй поднял лапу и, не оборачиваясь, произнес:

— Те волки ушли.

— Ушли?! — удивился Ши Тоу. Он знал, что эти люди-волки проходили через их земли, чтобы обменять соль у людей-рыб, но не понимал, почему они вдруг решили обосноваться в пещере. Из-за этого у них чуть не дошло до драки. Хотя пещера, которую заняли волки, находилась на самой границе их территории, сам факт их присутствия можно было расценить как вызов.

— Почему они вдруг решили уйти? — недоумевал Ши Тоу. — Впрочем, тем лучше. Не придется делить с ними добычу.

Он облизнул лапы, приводя в порядок слегка растрепанную шерсть, и лег на землю, наблюдая за сборами волков.

Ши Тоу был снежным барсом. Его черно-белая пятнистая шкура не особо выделялась на фоне заснеженных просторов. Юй принадлежал к тому же виду, что и Ши Тоу, и по идее тоже должен был быть снежным барсом. Однако его внешность отличалась от чистокровного Ши Тоу. Шерсть Юя была абсолютно белой. С таким окрасом, даже не прибегая к маскировке, он оставался невидимым для врагов в snowy пейзаже.

Юй посмотрел на восток и спокойно заметил:

— Снежная гора снова начинает обрушаться. Они правильно делают, что уходят пораньше. Иначе рискуют оказаться погребенными под лавиной. К тому же они вышли менять соль, и долгое отсутствие может создать проблемы для их племени.

— Снова обрушается? — Ши Тоу проследил за взглядом Юя. Восточные горы зимой обрушивались несколько раз. Ши Тоу не видел в этом никакой закономерности, зная лишь одно: их племени это не угрожает. — Мне кажется, горы стали обрушаться чаще? Да и снежный сезон в этом году начался гораздо раньше обычного.

Юй ничего не ответил, но в его изумрудно-зеленых зрачках читалась глубокая тревога.

...

Чэн Ань проснулся от сильной тряски. Он открыл глаза, но вокруг царила кромешная тьма, хотя внутри было довольно тепло.

Что происходит?

Чэн Ань с трудом выбрался из туго завернувших его меховых одеял, но ледяной ветер мгновенно заставил его съежиться и нырнуть обратно.

«?»

Он осторожно раздвинул край меха и наконец осознал: похоже, его несут в корзине, зажатой в чьих-то зубах.

Началось переселение?

Не успел Чэн Ань разобраться в ситуации, как из чащи леса прямо на них вылетела стая гигантских оленей. Их было великое множество, и размерами они превосходили даже взрослых зверей-людей. Рога на их головах были твердыми, как камень. Обычно гигантские олени, какими бы крупными они ни были, служили лишь пищей, но сейчас стадо словно обезумело. Животные мчались вперед, снося все на своем пути. Чтобы избежать столкновения, Ле издал громкий вой, приказывая соплеменникам быстрее разбежаться, иначе мешки с солью, которые они несли на спинах, могут рассыпаться.

В суматохе и неразберихе рог одного из молодых оленей распорол звериную шкуру, и Чэн Ань, завернутый в нее, выпал прямо на землю.

Сердце Чэн Аня бешено заколотилось. Папа! Твой ребенок выпал!

...

Юй, находящийся на склоне горы, тоже стал свидетелем этой сцены.

Уши Ши Тоу дрогнули, он повернулся в сторону звука.

— Теперь понятно, почему стадо гигантских оленей обезумело. Снежная гора начала обрушаться. Жаль, что это именно гигантские олени — с ними лучше не связываться. Иначе можно было бы подстрелить парочку и притащить домой.

Ши Тоу облизнулся от предвкушения мяса, но, несмотря на голод, сохранял благоразумие и не собирался безрассудно бросаться в середину обезумевшего, несущегося стада.

Ле тоже увидел начало обрушения снежной горы. Он еще крепче сжал в зубах корзину с детенышами, подтолкнул Юнь и поторопил всех бежать быстрее.

Если не убегут сейчас, будет поздно. К счастью, гигантские олени, охваченные паникой, просто бежали прочь и не собирались атаковать волчью стаю. Ле и его группа отделались легким испугом.

Все, кроме Чэн Аня, который отстал.

Чэн Аню хотелось плакать от бессилия. Не прошло и нескольких дней с момента его перерождения, как ему снова грозит смерть?

Копыто одного из гигантских оленей было в несколько раз больше нынешнего размера Чэн Аня. Один удар — и маленький волчонок, еще не умеющий говорить, будет растоптан.□□ ко всему, на улице стоял лютый мороз. Чэн Ань даже не знал, что убьет его быстрее: копыто оленя или проклятый холод.

Чэн Аню хотелось рыдать. Он даже не знает, станет ли он в будущем обычным зверем-человеком или суб-зверем!

Да и само попадание в иной мир с сохранением памяти, будь то перерождение или трансмиграция, обычно уготовано главным героям. А ему что? Ни золотой пальцы, ни особых способностей, зато смертельная опасность подстерегает на каждом шагу. Как с этим смириться?

Чэн Ань не желал так просто умирать. Но он был всего лишь маленьким волчонком, еще не отлученным от груди. Все, что он мог сделать — это плотнее закутаться в кусок звериной шкуры, упавший вместе с ним, и отчаянно кувыркаться, пытаясь увернуться от опускающихся копыт.

<http://bllate.org/book/16054/1434855>